

УДК: 75.046

ББК: 85.103

А43

DOI:10.18688/aa166-11-85

М. Н. Цветаева

Онтология русской художественной культуры

Онтология русской художественной культуры определяется христианской гносеологией: фундаментальным значением духовно-нравственных ценностей в строении культуры. Для отечественной культуры, переживающей как процессы обновления, так и кризисные явления, связанные с ослаблением духовно-нравственного миропонимания, размытостью национальных идей, актуально раскрытие духовно-нравственных традиций, созидавших и созидающих культуру, консолидирующих многоэтнический и поликонфессиональный состав нации в единое духовно-историческое и культурное целое. Созидательный и трагический опыт русской истории, отраженный в образах русской культуры, дает возможность осознать пути преобразования личности, процессы в современной художественной культуре.

Для современных культурологии и искусствоведения плодотворно сотрудничество искусства с философией, религией, богословскими науками. Этот междисциплинарный синтез помогает раскрыть национальную психологию, генезис духовных смыслов, читаемый в его образно-тематической, жанровой и формально-эстетической эволюции. При этом духовно-эстетический путь и формально-творческую новизну художников невозможно понять вне контекста истории, русской и европейской философской мысли (Платон, И. Кант, Г.-В.-Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, А. Бергсон, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, Э. Гуссерль); вне религиозно-мистических исканий творческой интеллигенции. Вместе с тем при разработанности проблем культурно-исторического контекста русского искусства, его семантико-семиотической системы влияние на искусство высших духовных ценностей почти не исследовано. Речь идет о богословии светского искусства как богочеловеческого организма, как новой фазы развития традиционной и современной культуры. Суммируя сказанное, обращение к христианской антропологии и онтологии определяет важнейшие направления исследования светской культуры. К ним относятся — онтологический, сотериологический, символический, нравственный, психологический, литургический и анагогический планы.

Анализ взаимодействия религиозного и светского мировосприятия сочетается с неоднозначным толкованием художественного опыта, глубины и сложности богочеловеческого организма культуры.

Онтология русской художественной культуры раскрывает зарождение, развитие и трансформацию ценностей христианства. При этом особый интерес представляют «узловые», кризисные и переломные эпохи, отражающие смену нравственных приоритетов. Такие важнейшие черты русской культуры, как соборность, культ святости,

жертвенность, «всемирная отзывчивость», веротерпимость, присущие национальной духовной традиции, противодействуют распаду личности, культуры, общества.

Категории целостности и развоплощения, словоцентризм, райскость, логосность, софийность, как и их антитезы — хаос, абсурд, деструкция, лабиринт,— визуальные образы «Все» и «Ничто» являются не столько интеллектуально-теоретической и эстетической проблемой, системой богословского дискурса, сколько выстраданным содержанием духовной жизни: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся» (преподобный Силуан Афонский). Значение Слова, животворящего и созидающего, глубоко для культуры, которая хранит память о способности на примере апостола Павла «слышать неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4). Выраженный через Слово и Образ христианский путь, по мысли схиархимандрита Софрония (Сахарова), можно уподобить дереву: «Когда мы смотрим на вековое дерево, высоко к облакам возносящее свою крону, то мы знаем, что сила корней его, идущих в глубину, должна соответствовать массиву дерева. Если бы корни не проникали бы в темные недра земли, быть может, настолько же глубоко, насколько возвышена крона; если бы масса его корней и крепость их не были соответственными объему и весу видимой части дерева, то не могли бы они ни кормить дерево, ни удержать его стоящим: и малый ветер повалил бы его. Так и в духовной жизни человека. Если мы сознаем величие призвания нашего во Христе, то есть нашего избрания в предвечном Совете Божиим для усыновления, и это прежде создания мира, то отсюда мы не возносимся в гордости, но действительно смиряемся. Движение вниз, во тьму кромешную, необходимо всем нам, чтобы устоять в подлинно христианском духе. Выражается оно в постоянной памяти о нашем изначальном ничтожестве, через самое жестокое осуждение себя за все. И чем глубже нисходит человек в своем самоосуждении, тем более возносит его Бог. “Глаголю вам <...> всяк возносяйся — смирится, смиряя же себе — вознесется” (Лк. 18, 14)» [2, с. 91–92]. Архимандрит Софроний говорит о Божественной миссии человека в христианстве, отличающейся от других религиозных учений и систем, учителей и пророков и основателей религий — он «более чем микрокосм, он микротеос: будучи тварью, он получил заповедь стать подобным Богу» [2, с. 230]. Таким образом, путь культуры от древнерусского наследия до современности, от Богопознания до богоборчества можно уподобить движению от Рая до сошествия во ад, от Божественного Света до тьмы кромешной, выраженной в «Черном квадрате» К. Малевича как образе революции и вселенской апостасии. Архимандрит Софроний говорит о личном опыте: пережить бессмысленность всех стяжаний на земле, быть брошенным в «мрачную область, где нет времени». Благодаря Смертной Памяти, которая «постепенно возрастая, достигла такой силы, что мир, весь наш мир воспринимался мною подобным некоему миру, всегда готовому исчезнуть в вечных провалах небытийной пустоты» [2, с. 12].

Тема покаяния, тайна души, исповедальности, смысла страданий и смерти, кардинальные вопросы бытия находят свое визуальное воплощение в русском искусстве, в творчестве многих великих мастеров изобразительного искусства, литературы, поэзии, музыки, таких как преподобный Андрей Рублев, И. Н. Никитин, И. Е. Репин, В. А. Серов, М. А. Врубель, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Шмелев, отец С. Булгаков. Тайна человека, его «лица-лика» связана с уникальностью и неповторимостью личности. По слову псалмопевца, каждый человек «имеет сердце,

созданное Богом “наедине”», и как таковое оно неповторимо. «В своем конечном завершении каждая личность получит и конечное на все века ИМЯ, вемое только Богу и самому человеку, носителю сего ИМЕНИ¹» [2, с. 101–102]. Но на каждом этапе светской культуры, глубоко связанной с наследием православия, христианского миропонимания, отражался дух времени, его мифологемы, соблазны и утопии, культы Государства, Дворца, Просвещения, Науки, Природы, Улицы, Космоса.

Созидаась многими поколениями, русская культура впитала огромный потенциал древнерусской культуры, сформировавшей национальные архетипы, нравственные и эстетические идеалы. Ее противоречивое взаимодействие с религиозными традициями отражает духовно-нравственные переломы и трансформации общественного сознания, показывает не только эстетическую эволюцию направлений, стилей и школ, но и многогранные аспекты художественного познания, связанного как с традиционными, так и отрицающими их формами мышления. Как образ революции и революционного мышления авангард XX века не только явил новизну и космический масштаб формально-эстетических экспериментов, затронув многие области культуры — философию, науку, психологию, литературу, поэзию, театр, музыку, живопись, архитектуру, декоративно-прикладное искусство, но и воплотился в неукротимой богоборческой свободе, обрел значение символа «новой» религии, «нового» духа, «нового» мышления — символа «красного искусства» (К. С. Малевич).

От импрессионизма до супрематизма религиозно-мистические и теософские переживания отливались в новые смыслы, грани, цветовые энергии и формы. В тайниках психической жизни, устранить которую не смог ни один «изм», открывалось «черное», «неблаговидное», «недозволенное» пространство. Постулируя «безосновную» основу в человеке, авангардное миропонимание отрицало «образ и подобие». Таинства революционно-мятежного духа, пророчествующего над бездной, познание вулканических «первооснов бытия» составляли содержание «бессюжетной» драматургии.

История культуры указывает на «архаику» и новаторство художественной практики — «раскрытие бесконечного, полет в бесконечность», «напряжения и прорывы», «экстазы» и «теургию», выраженные в живописной метафизике. В иконописании, как указывает Н. С. Кутейникова, семантика современных образов определяется как «концепция воплощения»: в иконах святых лица даются на стадии перехода в лик, в попытке «фиксации ступеней воплощения» [4, с. 19]. При этом на иконе изображается сверхреальная целостность, включающая все земное и небесное. Эти ступени воплощения знаменуют последовательное восхождение человека к Первообразу. Для исследования светского искусства данная концепция имеет онтологический смысл — раскрывает процесс движения как к «воплощению», так и к «развоплощению»: от лика к личине и от личины и мнимостей к духовному преобразению.

Центральное место в древнерусской культуре принадлежит душе, о которой сказано в Евангелии: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26), поэтому в русской культуре огромная роль принадлежит исповеди как форме национального самопознания,

¹ Выделено автором статьи.

анализу духовстроения. На рубеже XIX–XX вв. многие религиозные философы, например Н. А. Бердяев, осмыслили русскую культуру в контексте религиозного опыта. В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [3] Бердяев выдвигает важнейшие культурно-религиозные сферы, охватывающие все стороны художественной антропологии и творческой деятельности: проблемы искупления и аскетизма, бытия и гносеологии, любви и морали, мистики и магии, вопросы свободы, пола, любви, брака, мужского и женского — все объемлется творческим актом как актом жизни и философии.

Онтологическое направление, раскрывающее духовную сущность образа, помогает понять религиозность и религиозное чувство художника, познать мировоззрение человека; увидеть смысл его страданий, призванность и миссию, смысл жизни и смерти как преодоление «порога пространственности» (архимандрит Софроний Сахаров). Святые Отцы призывали к познанию сокровенного и невидимого не извне, а изнутри, через реально существующий мир, его символы — исходить «из Троицы в себе». Смысл культуры — раскрыть движение к первообразу и Богоподобию, выразить тайну человека, создаваемого из ничтожества и возведенного к полноте нетварного Бытия. Как Бог превосходит все, что существует в космической реальности, так и человек, обоженный через вселение Духа Святого, драгоценнее всех миров и галактик, может «поступать достойно звания, в которое призван» (Еф. 4, 1).

Проблематику светского искусства, его строй, тематический диапазон, пространственно-временную и цветоцветовую семантику неизбежно определяет познание богочеловеческого двуединства и антиномии бытия. В духовном мире наблюдается двойное движение: одно — негативное, связанное с падением, нигилизмом, богоборчеством. Другое — положительное, возводящее к бесконечному соединению с Отцом.

Сотериологический план исследования помогает понять смысл жизни как тайну спасения, уподобление и «облачение» души во Христа, Христоцентризм и Христороликость святости, выраженные в иконописи и древнерусской культуре. Проблемы идеала и высшей правды — ключевые для русской культуры. В искусстве светском, оторванном от полноты религиозного мироощущения мы видим светотеневые понятия, противоречивые образы и идеи, связанные со страданиями земного существования. Испытывая мощное воздействие душевных, эмоционально-психических энергий художника, мы вправе спросить: благотворны ли они, всегда ли преображены светом истины?

Визуальный образ — всегда символ, взаимодействующий с символизируемым. В древнерусском искусстве все направлено ко Христу: святые, сакральное пространство, цвет, предметность — все устремляет к высшей по сравнению с земной реальности. Например, особая роль принадлежит символике Света. Его онтология связана с Царством Христа, Светом Божественным и безначальным, непреступным и животворящим. Но «роды» света, светотени и мрака осмыслены и светской культурой. Архимандрит Софроний говорит о различных этапах и проявлениях его, связанных с артистическим, творческим вдохновением, вызванным красотой видимого мира; «светом» философского созерцания, переходящего в мистический опыт, научного познания... [2, с. 186]. В искусстве светском от барокко до авангарда существовали свой «канон», свои аллегории и метафоры, свой «корпус» Божественного — библейская тема, образы классической и вечной красоты, канон пропорций, бесконечность природы, человеческих индивидуальностей. В творчестве

многих русских романтиков, символистов и футуристов — А. Блока, А. Белого, Д. Мережковского, С. Есенина, В. Маяковского — предстало трагическое мироощущение.

По религиозным Заветам, нравственный план и подлинный смысл культуры — свидетельствовать о победе духа над плотью, грехом и смертью, ибо «дух животворит; плоть не пользует нимало» [Ин. 6, 63]. Особая роль в русском искусстве принадлежит психологической проблематике, панморализму. Психоанализ и методы психологического реализма помогают выявить исповедальный и проповеднический взгляд на мир, близость автора и зрителя, отразить психологическую проблематику времени, всемирную и всечеловеческую отзывчивость души.

Древнерусская культура взывала к красоте, радости, анагогическому (возвышающему), праздничному мировосприятию. Как книга, написанная не буквами, а красками, икона раскрывает праздник вечной жизни, преодолевшей все тленное. В православной культуре велика роль эстетического воплощения, принципа калокагатии — красоты добра, сияющей лучезарности, яркой и звучной чистоты, светоносности цвета в сакральном. В секуляризованном мировосприятии, где ангельское и дьявольское противоречиво перемешано, переплетено, эстетическая красота — антиномична и двойственна, поэтому необходим анализ духовной природы эстетизма. В начале XIX в. многие писатели, художники, например Н. В. Гоголь, К. П. Брюллов, П. А. Федотов, почувствовали разлад действительности, этического и эстетического. Под видом красоты, в ее образах и символах предстала падшая вселенная, мир надорванный и сломанный. В беспредельном эстетизме и мистицизме Серебряного века, в изысканных формах модерна открылся культ смерти и сладострастия; игра с «некто».

В религиозном искусстве литургический план указывает на присутствие Небесной Церкви в сакральном пространстве храма, знаменуя единство и неразрывную соединенность Божественного и человеческого [1, с. 11]. Эта мечта о духовно-историческом единстве, о соборно всечеловеческом братстве и всеединстве антиномично претворялась в русской культуре, рожденной в недрах православного храма, объясняя ее вечную устремленность к синтезу — религиозному, культурному, психологическому, художественному (например, творчество М. А. Врубеля, художников «Мира искусства», «Голубой розы»); ее мечтание о небесном.

Генетически связанная с духовно-психологическими и метафизическими основами религиозного искусства, русская художественная культура обращалась от анализа к синтезу, от дольного к горнему. В контексте реалистического и символического по-особому открывается роль передвижников, «академии В. Е. Маковского и И. Е. Репина», мастерства В. А. Серова, М. А. Врубеля, воспитавших многих мастеров «Голубой розы», «Бубнового валета», художников аналитического метода. Запечатлевая боль и раны, человеческие страдания и грехопадения, светская культура неизбежно подводит нас к поиску целостности, осмыслению духа времени через историю искусства, через духовно-нравственный символизм, запечатленный в древнерусской культуре, который поражает нас не столько красотой и богатством формальных приемов, эстетическим совершенством, сколько своей устремленностью к духовному преображению личности. Образы и символы этих процессов представлены в русской художественной культуре, в динамике ее духовно-нравст-

венного и историко-эстетического развития, отражающего взаимодействие светского и религиозного мировоззрения.

Подводя итог сказанному, анализ искусства в контексте христианской онтологии как фундаментальной основы раскрывает историю русской художественной культуры как истории духовной жизни нации. Идеи религиозного символизма, семантически значимые для понимания христианских истоков русской культуры, обнажают важнейшие модели личного и общественного сознания. Системный и историко-типологический анализ религиозной и светской культуры, основанный на принципе духовно-телесной целостности и христианской трихотомии, раскрывает духовно-эстетическую и метафизическую сущность образа, понятия «целостности» и «развоплощения», центристские и центробежные процессы в искусстве. Христианские основания показывают ведущую роль духовности в образной драматургии искусства, ее значение в сюжетно-тематическом развитии и формально-творческих экспериментах; соподчиненность стиля, жанровой, сюжетно-тематической эволюции, символики пространственно-временных и цветоцветовых характеристик духовно-нравственным смыслам. При этом художественная культура древнерусского, классического и авангардного периодов выявляет важнейшие формально-эстетические категории, обусловленные принципами «целостности» и «развоплощения», «иконичности» и «антииконы». В этом ракурсе по-новому освещается архитектура художественного образа, иерархия творчества, аксиология возраста, проблемы образа и Первообраза.

Необходимо учитывать эволюцию духовно-эстетических категорий в контексте формообразующей роли слова и сюжета, архетипов и типологии портрета, исторической картины, жанровой живописи, натюрморта, пейзажа как образов мирозерцания, отражающих философию человека, его духовно-телесные ипостаси, выраженные через сакральное, повседневное, историческое и природное бытие. Например, искусство 1920–1930-х гг. выявляет новое мирозерцание — «пятое измерение», ставшее образом вещно-предметной вселенной, символом экономии и материализма, целесообразности и утилитарности — идолов новой культуры [5, с. 226]. Таким образом, духовно-телесная целостность становится фундаментальным принципом философско-эстетического толкования русского искусства, его художественного антропогенеза, отражающего антиномию светской культуры в ее глубинном взаимодействии с религиозным опытом.

Литература

1. *Арх. Рафаил (Карелин)*. О языке православной иконы. — СПб.: Сатисъ, 1997. — 31 с.
2. *Арх. Софроний (Сахаров)*. Видеть Бога как Он есть. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. — 398 с.
3. *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. — Т. 1. — М.: Искусство, 1994. — 542 с.
4. *Кутейникова Н. С.* Иконописание России второй половины XX века. — СПб.: Знаки, 2005. — 192 с.
5. *Цветаева М. Н.* Христианский взгляд на русское искусство: от иконы до авангарда. — СПб.: Изд. РХГА, 2012. — 304 с.

Название статьи. Онтология русской художественной культуры.

Сведения об авторе. Цветаева Марина Николаевна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. mtsvetaeva@rambler.ru

Аннотация. На настоящем этапе актуален глубокий анализ современной культуры в контексте базисных оснований и связей с предшествующей традицией, выявляющий важнейшие направления, определяемые христианской онтологией и антропологией. К ним относятся: сотериологическое, онтологическое, символическое, литургическое, психологическое, нравственное, анагогическое. Аскетическая практика и литература Святых Отцов Церкви, например труды схиархимандрита Софрония (Сахарова), биографа преподобного Силуана Афонского, утверждают основания и смысл культуры — свидетельствовать об Истине, Красоте и Благе. Современная культура не может не знать о наличии «райскости, иконичности, логосности, логоцентризма и софийности» как основы строения художественного образа. Но речь идет об инверсиях, перестановке смыслов и значений языка. Важен анализ «художественных утрат», связанных с воздействием на базовые основания интеллекта. Мы утратили многое: чувство гармонии, Божественной красоты, способности к развитию метафорического и ассоциативного мышления. Проблемы современной иконописи связаны, например, с утратой духовно-психологического наполнения лика. Значимо внутреннее познание взаимодействия древнерусского, классического и авангардного этапов искусства. Актуальной является проблема интерпретации художественных текстов, «опознавания» глубинных смыслов, бесконечности человеческого бытия, сопряженного с Божественным. С точки зрения христианства важно обсудить суть таких понятий, как свобода творчества, ответственность художника, духовность, духовное кураторство, смысл слова и перспективы художественного произведения. Необходимо вернуться к проблематике человека, его целостности и святости в контексте Богоискательства и богоотступничества. В истории русской художественной культуры были особо значимы такие явления, как исповедальность и пророчество, необходимые для познания современного художественного процесса.

Ключевые слова: Богопознание; богоборчество; онтология; духовно-телесная целостность; «иконичность»; «антикона»; «развоплощение»; сотериология; образ; Первообраз; архимандрит Софроний (Сахаров).

Title. The Ontology of Russian Artistic Culture.

Author. Tsvetaeva, Marina Nicolaevna — Ph. D., associate professor. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. mtsvetaeva@rambler.ru

Abstract. A profound analysis of modern culture, in the context of its foundations and connection with the previous tradition defined by Christian ontology and anthropology, is very important for the time being. It reveals soteriological, ontological, symbolical, liturgical, psychological, ethical, and analogical aspects. Ascetic practices and patristic literature, for example works by Archimandrite Sophronius (Sakharov), the biographer of Silouan the Athonite, state that the basis and the meaning of culture is to witness the Truth, Beauty and Good. Modern culture cannot discard heavenly, iconic, logocentric, and sofinety approaches as a basis for the creation of an artistic image. We are talking about inversions, shifting of meaning and value of the language. It is important to analyze so called “artistic forfeit” and its influence upon our cognitive abilities. We have suffered great losses: a sense of harmony, divine beauty, ability for metaphoric thinking. For example, due to the lack of spiritual and psychological content, contemporary icon-painting is in a crisis. It seems crucial to learn more about interactions between Old Russian, classical and avant-garde phases of art. Interpretations of artistic texts, “seeing” a profound meaning, the sense of the divine eternity are also actual problems of the modern culture. It is important to discuss the meaning of an artist’s responsibility, freedom of creation, spiritualism, spiritual supervision, the meaning of words and prospects of an artwork.

Keywords: the knowledge of God; apostasy; ontology; spirit and body integrity; iconicity; anti-icon; disembodiment; soteriology; prototype; Archimandrite Sophronius (Sakharov).

References

- Archimandrite Rafael. *O yazyke pravoslavnoy ikony (On the language of Orthodox Icons)*. Saint-Petersburg, “Satis” Publ., 2007. 31 p. (in Russian).
- Archimandrite Sophronius (Sakharov). *Videt’ Boga kak On est (To See God as He is)*. Sergiyev Posad, Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 2011. 398 p. (in Russian).
- Berdyayev N. *Philosophia tvorchestva, kulturny i iskusstva (The Philosophy of Creativity, Culture and Art)*, vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 542 p. (in Russian).
- Kuteynikova N. *Ikonopisanie Rossii vtoroy poloviny XX veka (Russian Icon Painting of the Second Half of the 20th Century)*. Saint-Petersburg, Znaki Publ., 2005. 192 p. (in Russian).
- Tsvetaeva M. *Hristiansky vzglad na russkoe iskusstvo: ot icony do avangarda (Christian Look at Russian Art: From Icons to Avant-gard)*. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2012. 304 p. (in Russian).